

Бектемирова С.Б.,
Исмаилова Н.А.,
Досанова А.М.

**Образные выражения
киноморфизмов в тюркской и
славянской культурах**

В статье рассматриваются языковые единицы и образные слова тюркского/славянского языков, содержащих сему 'собака' с точки зрения этнолингвистики. Познавательная ценность кинеморфизмов в тюркском/славянском языках будет раскрыта на основе лексикографических источников. Это культурно-национальные словосочетания, описывающие национальную особенность. Так как образное восприятие, полученное в результате влияния друг на друга в повседневной жизни и предметов и явлений, которые окружают нас, имеет отношение к формированию пословиц. Эти языковые единицы сохранились только в материальной и духовной культурах, переданной из поколения в поколение. Во многих случаях в эмпирическом восприятии животный образ собаки становится сложно раскрыть с мифологической стороны. Это расширяет семантический потенциал и обогащает культурную коннотацию основного слова.

Ключевые слова: кинеморфизм, коннотация, семантика, сема, лексика, пословицы и поговорки.

Bektemirova S.B.,
Ismailova N.A.,
Dosanova A.M.

**Figurative expression
kinomorphisms in the turkic and
slavic cultures**

In the article language units and figurative words of the Turkic/Slavic languages containing the seme 'dog' from the point of ethnoлингвистики are considered. The informative value of kinomorphisms in the Turkic/Slavic languages will be disclosed on the basis of lexicographic sources. They are the cultural-national phrases describing national feature. As the figurative perception received in the result of influence of daily living and subjects and phenomena on each other which surround us is related to formation of proverbs. These language units were saved only in the material and spiritual culture transferred from generation to generation. In many cases in empirical perception of animals the image of dog becomes difficult to be defined from the mythological point. It expands semantic potential and enriches a cultural connotation of the main word.

Key words: kinomorphism, connotation, semantics, sema, lexis, proverbs.

Бектемирова С.Б.,
Исмаилова Н.А.,
Досанова А.М.

**Түркі және славян
мәдениеттеріндегі
киноморфизмдердің бейнелі
оралымдары**

Мақалада қазақ/орыс тілдеріндегі 'ит' семасымен байланысқан тілдік бірліктер мен бейнелі сөздер этнолингвистикалық тұрғыдан қарастырылады. Қазақ/орыс тілдеріндегі кинеморфизмдердің танымдық табиғаты лексикографиялық дереккөздер негізінде ашылады. Олар ұлттың ерекшелігін бейнелейтін мәдени-ұлттық коннотациялы тіркестер. Өйткені мақал-мәтелдердің пайда болуына күнделікті өмір мен өзімізді қоршаған заттар мен құбылыстардың бір-бірінің әсерінен туған бейнелі қабылдаудың ықпалы зор. Ол тілдік бірліктер сол ұлттың ұрпақтан-ұрпаққа қалдырылған материалдық және рухани мәдениеттерінде ғана сақталған. Көп жағдайда жануарлардың эмпирикалық қабылдауында иттің образы мифологиялық тұрғыдан күрделенеді. Бұл негізгі сөздің семантикалық потенциалын кеңейтіп, мәдени коннотацияны байытады.

Түйін сөздер: кинеморфизм, коннотация, семантика, сема, лексика, мақал-мәтел.

ОБРАЗНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КИНОМОРФИЗ- МОВ В ТЮРКСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Животные по своей природе ближе к человеку и больше втянуты им в мир своих преобразований, больше связаны с историческими развитием цивилизации.

Культовые изображения животных – древнейшее проявление творчества человека. Культ животных – первая грань, которую древний человек провел между собой и миром природы, признавая еще ее господство, но уже не отождествляя себя с ней. Как бы впоследствии не снижалась роль животных в духовной культуре, анимализм всегда остается смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые стереотипы, поэтические образы и т. д.

Известным является положение о том, что в отличие от других народов, у казахов имеется богатый фонд фразем – *байлаулы иттей, иттің етіндеі жек көру, аузы итаяқтай, ит өлген жер, ит арқасы қиянда, ит терісін басына қаптады, ит пен мысықтай, итше ырылдады*; пословиц – *аузынан ақ ит кіріп, қара ит шықты; қатын көп болса шөмішті ит жалайды; итті күшігім десең, аузыңды жалайды*; сравнений – *ұялас күшіктердей, ылыққан иттей, адасқан күшік секілді, сүтке тиген күшіктей, күшіктей қыңсылау*; и терминов – *итбүлдірген, итмұрын, италақаз, итсабын, ителгі, итжуа, итқұлақ* и т.д., в которых отражаются специфика и различные свойства домашних животных. Так, прямое значение языковых единиц, относящиеся непосредственно к характеристике собаки, с течением времени в казахском языке стали употребляться в переносном значении по отношению к определению тех или иных качеств человека. Эти единицы в казахском языке составляют многочисленный корпус.

На основе типологического метода и лексикографических источников были проанализированы лексемы *ит, тәбет, тазы, күшік, итаршы, кәнден* на материале тюркских языков и пратюркских языков алтайской языковой семьи, а также мифологемы, табу и эвфемизмы, которые составляют ассоциативное поле лексемы *собака*, связанные с национально-познавательным бытием казахского народа [1; 127-128]. Например: *ит құтырса жаман болады, ит баласын үйде ұстама, итке ожаумен ас құйма, итті теппе, иттің құйрығын тартпа, ит аспанға қарап ұлыса жаман болады* и т.д. Вместе с тем, показана

взаимосвязь антропоцентрического направления с философскими, психологическими, логическими, этнографическими, мифологемическими положениями.

В переходной обрядности ранней стадии у тюрков особое место отводилось собаке, по словам Ф.Ф.Илимбетова, «собака играла центральную роль в магических обрядах башкир, туркмен, чувашей, казанских татар, якутов». По-видимому, аналогичное положение можно было бы наблюдать и у некоторых народов Сибири. Так, у эвенков у которых было принято, что «колыбель новорожденному должен делать чужой человек», существовал обычай, предписывавший: «В новую колыбель положи *щенка*, чтобы ребенок не болел». В свое время С.П.Толстов высказал «гипотезу о том, что культ собаки своим происхождением связан с культом волка» [2; 736-737].

Образ собаки широко задействован в тюркской антропонимии. По Радлову, если первые дети умирали сразу после рождения, у алтайцев мальчику давалось такое имя, как *itködön* «собачий зад». У алтайцев и хакасов среди тех неблагозвучных имен, которые присваивались в охранительных целях детям, родившимся в год Свиньи, зафиксировано *ijtqulaq* «собачьеухо». Среди северных чувашей в случае, если прежде у матери не оставалось в живых ни одного ребенка, рождающемуся сыну давали имя *Модка* «черная собака»; считалось, что с таким именем сын останется в живых. В подобных случаях мальчикам иногда давалось имя: *Захай* «ворон» или *Курак* «грач», чтобы они оставались в живых [3; 590-677].

Значение «собачьих имен» «переноси, знач. *неодобр.*» связано с ролью собаки, как покровителя новорожденных и обычаем древних тюрков отгонять от новорожденного злых духов, надевая на него через сорок дней после рождения *itkojlek* (собачью рубашку). В карачай-балкарском языке *itlikköjlek* «первая рубашка младенца», *itlikčaç* «волосы первой стрижки младенца».

«По башкирским народным поверьям считается, что у больного ребенка дополнительно имеются две собачьих души, которые помещаются у него в живот».

Среднеуйгурское *ytsaman* «собачья подстилка», по всей видимости, связано с древним обычаем класть «ребенка на место собаки. Если не тронула ребенка и собака, то считается, что злые духи тем более его не тронут». В татарском языке имена *etalmas* «собака не возьмет»,

ettigmas «собака не тронет», туркменском. *italmaz.* У якутов «в семьях, где не выживают дети, новорожденного ребенка называли ... щенком *ытоуото* или собачьей кличкой, причем собак одновременно называли детскими именами» [4; 120-136].

В совокупности все эти сведения дают яркое представление о том, насколько своеобразно и неоднозначно место образа собаки в мифологической картине мира древнетюркского этноса, где взаимодействовали и единоборствовали мифологические воззрения и рационалистическое начало.

Особого внимания заслуживает *собака*, наименование которой стало компонентом множества фразеологизмов у славян, действующим лицом многих пословиц, поговорок, сказок, загадок, легенд, прочно вошло в нашу жизнь.

Широко распространены в русском языке так называемые «собачьи» метафоры – *собачиться, грызться, выть, огрызаться, оцетиниваться, перебеситься, подкусить, подлизываться, рычать, скулить, тьякать*; известны многочисленные фразеологизмы: *собака на сене, гонять собак, вилять хвостом, собачий голод, собачий холод, как собаке пятая нога, сукины дети, бросать собаке под хвост* – имеющие негативную оценку.

Компонент *собака* (пес) есть в названиях целого ряда созвездий – созвездие Гончих Псов, Большого Пса, Малого Пса. Слово *каникулы* также связано с собакой. В средние века, точнее, во времена Юлия Цезаря, в самое жаркое время в учебных заведениях устраивали перерыв в занятиях, который совпадал с появлением на небе созвездия Гончего Пса, поэтому данное время называлось *песьи дни*, т. е. каникулы. Вероятно, этим фактом можно объяснить фразеологизмы *собачья жара* и противоположное ему *собачий холод*; это вторичные номинации, метафоры, связанные с каникулами.

У всех восточных славян, впрочем, как и у некоторых других народов, существует много пословиц, где главным «действующим лицом» выступает собака: русские пословицы типа *Ласковая собака и во сне хвостиком виляет; И собака на того не лает, чей хлеб ест; Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; При верном псе сторож спит; Какая на собаке шерсть, такая ей и честь*; белорусские пословицы – *Добры сабака на вецер не броша; I сабака намятае, хто яго корміць; Добры сабака лепі за ліхога чалавека*; польские выражения – *wiernyjakpies, chodzisanimjakpiesi* другие [5; 736-737].

Русские толкователи сновидений также используют собаку в качестве символа: «Видеть во сне собаку, которая не проявляет к вам интереса или ждет подачки, означает: получить прибыль от врага»; «Видеть во сне маленькую собачку, лающую прибыль на вес, – к ссоре, временной враждебности» и т.д.

Все приведенные выражения имеют простой образ, яркую внутреннюю форму, не противоречат здравому смыслу, вероятно, потому, что основаны на наблюдениях и опыте человека.

Часто эмпирическое восприятие животного осложняется мифологическим переосмыслением образа *собаки*. Это расширяет семантический потенциал данного слова, которое обрастает культурными коннотациями. Чтобы верно истолковать такие выражения, как *вешать собак, собачий вальс, устал как собака* «хотя на собаках у нас не сеют и не пахнут», *съесть собаку* и подобные, нужно знание мифа, архетипа, которые наложили отпечаток на семантику этих выражений. Мы полностью солидарны с З. Фрейдом, который писал, что «человеческая культура возведена из кирпичей давно забытого мировосприятия» [6; 215].

В мифологическом осмыслении *собака* – хтоническое животное, поэтому чаще всего встречается в мифах в связи с мотивами земли и загробного мира, ибо она сопровождает души умерших в нижний мир, кроме того, она есть сторож у ворот ада.

Думается, что амбивалентность образа собаки в славянской культуре (в первую очередь русской и белорусской) объясняется несколькими факторами. Хотя *собака* сблизилась с человеком «как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок», но у многих индоевропейских народов существовало отношение к ней, как к животному, наделенному божественной силой: *собака* – символ смерти, хтонических и лунных божеств и олицетворяется триадой «земля – вода – луна». Таким образом, с одной стороны, с *собакой* связано доброе начало, что это нашло отражение в картине мира и языке славян: *собачья верность, собачья преданность* «о верном, преданном человеке», *собаку съесть* «об опытном человеке»; *дзе сабака зарыты* «установить суть дела», *сабака не параскочыць* «об очень большом»; а с другой, собака – воплощение зла: *собачья злоба* «об очень злобном человеке», *сдохнуть в подворотие* «о смерти бездомного, неприкаянного человека», *как собаку* «без всякой жалости»; *распицца на сабачую пугу* «совершенно», *хоць на сабаку вылі* «о невкусной

еде» и т.д. Семантика второго ряда фразеологизмов формируется с учетом того, в мифологической картине мира славян *собака* занимает крайне низкое положение и причисляется к нечистым существам, более того, в народном сознании она часто отождествляется с дьяволом [7; 320].

Русские крестьяне вплоть до XX века не пускали собаку в избу, которую она якобы способна осквернить; нечистое тело похороненной собаки вызывали гнев земли и вело к бедствиям, поэтому собаку нельзя было хоронить. Соответственно, хоронили *собак* в укромных местах, найти которые было трудно. Отсюда фразеологизм *где собака зарыта* в значении «раскрыть первопричину событий, причину бедствия». Верой в нечистоту собаки объясняется до сих пор сохранившееся поверье что если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболит.

С одной стороны, в белорусских сказках «Собака и волк», «Война волка с собаками» собака выступает как умный и преданный помощник человека, а с другой – *собака*, пес часто оказывается субъектом брани у славян: *собачиться* «браниться непристойными словами», *собачливый* «тот, кто матерится» – у русских; *псовать* «портить», *з роту сабаки скачуць* «о сквернословие» – у белорусов; *psiakrew* «собачья кровь – ругательство», *psisyn* «собачий сын – ругательство» – у поляков [5; 736-737].

Собака – жертвенное животное, отсюда фразеологизмы *вешать собак* «порочить другого человека», *как собак нерезанных* «много», связанные с обрядовыми закланиями пса. Есть и другие объяснения данных выражений с алогичной семантикой: связью с арабским словом.

Кроме того, собака – архетип обмана, он формирует семантику таких славянских выражений, как *брехать* «обманывать – просторечие», *сука* «человек, нарушивший клятву, обманувший – вороский жаргон»; *ілжэ як сабака* «о лживом человеке», *сабакам падыты* «лживый человек».

Поскольку собака соотносится с загробным миром, она обладает способностью чувствовать демонов и предвещать смерть, с этим связана следующая примета у белорусов: если сабака воет по ночам, это к смерти; поедание собачьего мяса как бы приобщало человека к вещим способностям, отсюда фразеологизм *съесть собаку*, глагол *насобачиться* «стать опытным».

В христианской культуре собака ассоциируется с язычниками: «Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо не хорошо взять хлеб

у детей и бросить псам». Она же сказала Ему в ответ: так, «Господи; но и псы столom едят крохи у детей».

В представлениях народов мира, в их мифах также можно наблюдать полярное отношение к собаке: для ацтеков собаки священны, с помощью собак их душа получает бессмертие, поэтому при умирающем у них должна быть собака. В иранском мире собака, в противоположность славянам, – чистое животное. Зароастрийский обряд очищения предписывает прикосновение к собаке, которое приравнивается к омовению. В мифах якутов, тувинцев, алтайцев, хантов, чукчей, нивхов признается небесное происхождение собаки [8; 186]. Африканские племена, говорящие на берберских языках, наоборот, считают собаку насколько нечистой, что убивший ее тоже считается нечистым.

Аналогичной поговорке «И на солнце бывают пятна» В. Даль считает поговорку И в Иерусалиме есть собаки. Любопытно, что русские и белорусы также по-разному воспринимают собаку: если в русском языковом сознании с ней связаны положительные качества личности – *собачья преданность* «о преданном человеке», *собаку съест* «об опытном», то для белорусов фразеологизмы с компонентом *сабака* являются носителями негативной оценки, отрицательной коннотации – *з роту сабакі скачусь* «о сквернословящем человеке», *ушыцца у сабачую скуру* «о негодном, ленивом человеке», *сабакам падшыты* «о плохом человеке», *у сабакі вачэй пазычыць* «о бессовестном человеке», *сабакам сена косіць* «о скывающемся от семьи, занимающемся пустым делом человеке», *за сабаку* «о плохом человеке», *сабаке под хвост* «о пустом деле», *была у сабакі хата* «отрицательной отказ о существовании чего-либо», *што*

пан-то сабака «о плохом человеке» и другие. Таким образом, язык фиксирует особенности национального самосознания, национальной картины мира [5; 186].

Таким образом в ходе проведенного исследования нешло отражение кинологических названий в лексикографических источниках. Раскрыто коннотативное значение семы *собака* в фраземах; определено, что наибольший количественный объем собранного материала составляет фразеологический фонд. В свою очередь, полученные языковые единицы дифференцированы в лексико-сематические группы, а фраземы подвергнуты семантическому анализу; как отдельная группа рассмотрены и проанализированы компаративные киноморфизмы.

В ходе исследования природы киноморфизмов систематизированы паремиологические единицы, имеющие в своем составе сему *собака*; паремии, отражающие национальное сознание, подвергнуты специальному исследованию, отдельные паремии получили свое толкование.

В процессе классификации собранного материала выявлена группа названий растений, а также группа названий, в которых вычленяется сема *собака*. Подобные названия, также как и любые другие названия предметов, образованы в соответствии с потребностью номинации объектов действительности. Человек присваивает имя определенному предмету для того, чтобы не путать с другими предметами. Поэтому возникает необходимость создавать специальные названия. В этих случаях большую роль отводится метафоре. В казахском языке имеется определенное количество метафорических названий с семой *собака*, которые проанализированы, систематизированы и классифицированы в отдельные группы на основе лексико-семантических признаков.

Литература

- 1 Ахметов Э. Түркі тілдеріндегі табу мен эфемизмдер. – Алматы, 1995.
- 2 Сравнительная-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркской язык-ос-нова. Картина мира пратюркского этноса по данным языке/ отв.ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
- 3 Кормушин И.В. Домашние животные // Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997.
- 4 Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.– 466 с.
- 5 Трубачев О.Н. Происхождение названий животных в славянских языках. – М., 1960. – 260 с.
- 6 Фрейд З. Тотем и табу. – М.,1992. – 180 с.
- 7 Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевро-пейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996. – 420 с.
- 8 Дорошенко Е.А. Зароастрийцы в Иране. – М., 1982. – 290 с.

References

- 1 Ahmetov Ə. Tırki tilderindegi tabu men jevfemizmder. – Almaty, 1995.
- 2 Sravnitel'naja-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Pratyurkskoj jazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo jetnosa po dannym jazyke/ otv.red. Je.R. Tenishev. – M.: Nauka, 2006. – 908 s.
- 3 Kormushin I.V. Domashnie zhivotnye // Sravnitel'no- istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika. – M.: Nauka, 1997.
- 4 Istoricheskoe razvitie leksiki tjurkskih jazykov. – M., 1961.– 466 s.
- 5 Trubachev O.N. Proishozhdenie nazvanij zhivotnyh v slavjanskih jazykah. – M., 1960. – 260 s.
- 6 Frejd Z. Totem i tabu. – M.,1992. – 180 s.
- 7 Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropejskih jazykah. Obraz mira i miry obrazov. – M., 1996. – 420 s.
- 8 Doroshenko E.A. Zaroastrijcy v Irane. – M., 1982. – 290 s.